

**«...Это дело спорное...»
(Поэтика и морализм Н. В. Гоголя
в восприятии И. А. Гончарова)***

Abstract:

Mel'nik V.I. *"...This case controversial..." (Poetics and moralism N.V. Gogol in the perception I.A. Goncharov).*

The article considers the problem of creative influence N. Century Gogol by I.A. Goncharov poetics and at the same time the rejection of the author «Oblomov» from some ethical attitudes Gogol – primarily its moralism.

Ключевые слова: Гоголь, Гончаров, русская литература XIX в., поэтика, этика.

И.А. Гончаров вступил на литературное поприще тогда, когда Н.В. Гоголь уже совершил эстетические открытия, которые стали школой для целого ряда молодых писателей, будущих классиков русской литературы. Следы влияния автора «Шинели» и «Мертвых душ» легко отыскать в романе А.И. Герцена «Кто виноват?», в прозе Н.А. Некрасова (например, роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»), в «Записках охотника» И.С. Тургенева, в «Бедных людях» и других произведениях Ф.М. Достоевского и т. д. В письме к В.В. Стасову от 27 октября 1888 г. Гончаров писал: «У Пушкина – этого отца русского искусства в слове – было два прямых наследника: Лермонтов и Гоголь, породившие целую плеяду нас, деятелей 40-х, 60-х годов, с Островским, Тургеневым, Писемским, Салтыковым и т. д. А затем уже начался (говоря астрономически) млечный путь, целый бесконечный хвост, который тянется и дондесь»¹.

В Гоголе автор «Обломова» различал одновременно художника и моралиста. И оценивал эти две стороны неравноценно. Совершенно очевидно, что Гоголь, начиная с первых прозаических опытов Гончарова, как художник влиял на него слишком мощно, как бы даже против его собственной воли. Недаром Гончаров не только часто цитировал Гоголя, но и практически знал его наизусть. В письме к К.Ф. Ордину от 16 мая 1872 г. он говорит: «Препровождаю обратно и Гоголя: не знаю, зачем я пожелал его! Где ни разверну – везде все почти наизусть знаю!» Это знание «наизусть» несомненно сказывалось в произведениях Гончарова вольно или невольно: за-

* Работа выполнена при поддержке РФНФ. Грант 14-04-00286 «Этика и поэтика И.А. Гончарова».

хватывала стихия гоголевского юмора. Когда Захар говорит Обломову «Не я придумал клопов», то в его фразе, конечно, просвечивает Гоголь. В.И. Кулешов отмечает, что каждая вещь в комнате Ильи Ильича Обломова свидетельствует: «и я обломовская»². Магия гоголевского стиля и слова не отпускали его. Несомненно, истоки гончаровской иронии и юмора имеют началом юмор Гоголя. Ведь до «Вечеров на хуторе близ Диканьки» у нас в литературе никто не смеялся столь заразительно и ярко. Пушкин, столь много значивший для Гончарова, был для него универсальной школой вкуса и мастерства, однако не передал ему единственного, но существенно важного для него – иронии. Между тем неподражаемая ирония буквально проникает все гончаровские тексты – не только его художественные произведения, но и письма.

Уже герой первого прозаического произведения Гончарова (повесть «Лихая болеть»), Тяжеленко, по общему признанию, весьма напоминает Обломова. Малороссийский помещик Никон Устинович Тяжеленко как будто вышел из гоголевских повестей 1830-х годов и еще едва начал трансформироваться в собственно гончаровский образ. В повести заметна гоголевская шаржированность. Собственно, помещик Тяжеленко более всего походит на Ивана Никифоровича из повести Гоголя о двух Иванах. Это именно он «лежит весь день», а если и встает, то лишь для того, чтобы «спройти по двору». Прямое упоминание героев «Повести о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович» встречается в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» (1848).

Уже самое начало повести «Счастливая ошибка» (1839) отсылает нас к гоголевской манере повествования: «Однажды зимой в сумерки... Да! Позвольте прежде спросить, любите ли вы сумерки? ... Да и как не любить сумерек? Кто их не любит? ... О, как я люблю сумерки, особенно, когда переносюсь мысленно в прошедшее!» Здесь языковая – лексическая и стилистическая – связь с Гоголем вряд ли требует особых доказательств. Сам риторический вопрос: «Любите ли вы...?», самое выражение: «Разве только...», самое постоянное перемежение восклицаний и вопросов – все это гоголевское, ставшее едва ли не общим местом в прозе 1830-х гг. Все это в дальнейшем не попадает (или почти не попадает) в произведения Гончарова.

Практически ни в одном произведении Гончаров не обходится без реминисценций из Гоголя. Естественно, что гоголевское начало мы встречаем и в «Обыкновенной истории», с которой, кстати, Гоголь был знаком. Гончаров в «Обыкновенной истории» умеренно пользуется гоголевскими приемами и гоголевской стилистикой. Изображая романтического героя, то и дело заносящегося мыслью в идеалистические высоты, романист прямо заимствует у Гоголя прием «возвращения на грешную землю». Ведь именно Гоголь всесторонне разработал этот прием – в тех же еще «Петербургских повестях», в том же «Невском проспекте». Уже в «Мертвых душах» Гоголь

возвращается к этому приему: «Словом, те слова, которые вдруг обдадут, как варом, какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и кудрями. Чего нет и чего не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг раздаются над ним, словно гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь» (гл. VI). Этот прием хорошо усвоит автор «Обыкновенной истории». Правда, вместо пафосного, драматического по духу снижения, Гончаров прибегает к мягкому юмору, что оставляет его в рамках органичного, «нефорсированного» изображения действительности. Характерный пример: рыдания Адуева после драматического объяснения с изменившей ему Наденькой Любецкой. Герой переживает трагический момент своей жизни, но это не мешает автору снизить пафос повествования, как всегда переключившись с «господ» на «слуг»: «Адуев только что спустился с лестницы, как силы изменили ему, он сел на последней ступени, закрыл глаза платком и вдруг начал рыдать громко, но без слез. В это время мимо сены проходил дворник. Он остановился и послушал.

– Марфа, а Марфа! – закричал он, подошедши к своей засаленной двери, – подь-ка сюда, послушай, как тут кто-то ревет, словно зверь. Я думал, не арапка ли наша сорвалась с цепи, да нет, это не арапка...

– Так что ж он, с голоду, что ли? – с досадой заметил дворник.

– Что! – говорила Марфа, глядя на него и не зная, что сказать, – почему знать, может, обронил что-нибудь – деньги...

Они оба вдруг присели и начали с фонариком шарить по полу во всех углах» и т.д. (Ч. 1, гл. V). Адуев, действительно, потерял нечто, а именно: любовь Наденьки. Прозаизация этой высокой потери через диалог дворника и Марфы вносит в роман здоровый юмор и является своеобразным авторским комментарием.

Гоголевская стилистика ощутима и в таких выражениях, как, например: «Кто не знает Антона Ивановича?».

Книга «Фрегат “Паллада”» связана с именем Гоголя не только многочисленными внешними отсылками к творчеству старшего современника, но и гораздо более предметно. Подобно тому, как Гоголь не написал бы «Мертвых душ» без своих поездок по Европе (см. письма к М.П. Погодину), подобно этому и «Обломов» не был бы написан Гончаровым без его кругосветного путешествия на «Палладе». В основе метода художественного исследования обоих лежит выявление коренных свойств русской нации в сравнении с другими. Только диапазон сравнения у Гончарова не европейский, как у Гоголя, а мировой. В сопоставлении с другими нациями – вся сила, свежесть и глубина гончаровской книги. При этом Гончаров разработа-

тывает свою оригинальную философию мировой истории цивилизации как части Божьего замысла о человечестве. Таким образом, гоголевский оригинальный метод включен Гончаровым в более обширный замысел.

Следующий шаг к Гоголю сделан в «Обломове». Можно сказать, что это самое «гоголевское» произведение Гончарова. Об этом говорят не только явные параллели в образах Обломова и Тентетникова, Обломова и Манилова и пр. Гончарову, который акцентированно выражает в своих произведениях идиллический, утопический планы жизни, ностальгическое настроение (что совершенно чуждо Пушкину), оказались близки глубоко залегающие в творческой личности Гоголя ностальгические настроения и мечтания. Речь идет прежде всего о том невыразимо тонком поэтическом описании, на котором построен «Сон Обломова» – эта самая концептуальная часть гончаровского романа. Большое сходство с гоголевскими «Старосветскими помещиками», вплоть до отдельных деталей, обнаруживает не только «Сон Обломова», но также изображение жизни героя в доме вдовы Пшеницыной.

В самом деле, описывая старую Обломовку, Гончаров не только иронизирует и критикует, но и любит некими непреходящими нравственными ценностями, которые для него таит в себе мир патриархальной жизни. И здесь огромный философский и художественный смысл заключается в том, что об этой жизни мы узнаем именно из описания сна Ильи Ильича. Изображая каждую новую клеточку «старосветской жизни», Гоголь всякий раз акцентирует внимание на культуре еды и сна. Но сатира у Гоголя неразрывно связана с идиллией и элегией, глубокий сон обитателей поместья вызывает у автора сложные чувства, он говорит о «дремлющих и вместе каких-то гармонических грезах...» – это уже совершенно другой «сон»: «Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда на меня находит полусон и мерещится былое». Этот элегический «полусон» входит составной частью и в «Сон Обломова». Не только точка зрения на старую жизнь, в которой оба писателя видят и «живое», и «мертвое», сближает их. В обоих произведениях остро актуализирована проблема «природа и цивилизация».

В последнем гончаровском романе точнее было бы вести речь не о влиянии, а об использовании в «Обрыве» отдельных гоголевских тем и мотивов. Здесь снова как бы невзначай, эпизодически мелькают фигурки «старосветских помещиков», идиллических милых старичков Молочковых. Черты Чичикова узнаются в Аянове. Чичиковская тень мелькает уже в «Обыкновенной истории» и «Обломове», но лишь в «Обрыве», где тема «живых» и «мертвых» душ подана через призму религиозного самоопределения человека, параллель приобретает устойчивость. Аянов и Чичиков стремятся не к выработке «нормы жизни», а к «выделке» своей среды «обитания». Они схожи во многих планах. Едва ли не нарочито Гончаров вызывает у читателя ассоциацию с героем «Мертвых душ»: «Он – так себе: ни характер, ни бес-

характерность, ни знание, ни невежество, ни убеждение, ни скептицизм». Характеризуя Аянова, Гончаров не раз и не два будет повторять несколько измененные гоголевские формулировки, характеризующие Чичикова.

Ещё одна параллель с Гоголем кажется неожиданной. В «Обрыве», в отличие от «Обломова», сны героев могут быть страшными, фантастическими. Гончаров ранее не обращался к изображению ужасного, мистического. Роман «Обрыв» полон «чудовищ». Кроме злого волшебника Марка, мы встречаемся с гоголевским Вием, с языческими богами (Геркулес и пр.). У Гоголя Вий вошел в церковь, у Гончарова – злой волшебник Волохов посягает на всю Россию, на ее Веру. В «поэтическом сне» Марфеньки явственно сквозит мотив гоголевского «Вия». Геркулес, поднимающий глаза на Марфеньку, обнаруживающий ее и на нее указывающий всем остальным бесам, совершенно явственно ассоциируется с Вием, которому подняли веки – и он увидел философа Хому Брута. Вий превращается у Гончарова в античного Геркулеса, а бесы – в других мифологических героев (Диана, Марс, Венера и т.д.). При этом Гончаров не был бы самим собой, если бы вслед за изображением «ужасного» оно не было бы снято. Все завершается чуть ли не пародийно звучащей репликой Татьяны Марковны: «Надо морковного соку выпить, кровь очищает...»

Смысл этого далеко не случайного в романе сна Марфеньки еще предстоит разгадать. Ясно лишь одно: в отличие от сна Татьяны, предвещающего гибель Ленского, и явления Вия, повлекшего за собою смерть Хомы Брута, сон «солнечной» Марфеньки не влечет за собою никаких прямых трагических последствий, связанных со смертью, хотя и предвосхищает падение Веры. В античных (в данном случае – языческих) образах Гончаров воплощает тему «бесов», главный из которых в романе – Геркулес-Марк. Так тема «бесов» передается от пушкинского «Евгения Онегина» через гоголевского «Вия» к «Обрыву» Гончарова.

Между тем, очевидно, что все эти параллели с Гоголем в «Обрыве» – всего лишь частности. Гоголь к этому времени уже был пережит Гончаровым и занял в его художественном сознании почетное, но совсем не главное место. В письме к Л.А. Полонскому от 20 мая 1880 г., говоря о раннем влиянии Пушкина, он замечал: «Лермонтов и Гоголь не были собственно моими учителями: я уже сам созрел тогда и пописывал!»³

Гоголь в сознании Гончарова чаще всего присутствует в раздробленном, анекдотически-ситуативном виде. Для Гончарова процитировать Гоголя означает – подобрать яркую иллюстрацию к жизненному случаю. Однако это не равносильно тому, что Гончаров рассыпал Гоголя на анекдоты: Гоголь и его художественный опыт постоянно вызывали концептуальную, глубокую творческую реакцию Гончарова. Автор «Старосветских помещиков» то мощно втягивал Гончарова в свою неповторимую оригинальную стилистическую стихию, то становился предметом критического отношения.

Однако если в области поэтики влияние Гоголя на Гончарова, пусть и преодолеваемое со временем, видно невооруженным взглядом, то гораздо сложнее обстоит дело с той стороной гоголевского творчества и личности, которая связана с этико-философской настроенностью автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Несомненно, многие этические представления Гоголя и Гончарова близки или даже пересекаются. Отметим наиболее важные моменты. Прежде всего, этические идеи и Гоголя, и Гончарова выстраиваются на платформе, соединяющей Евангелие и просветительские идеи. А.Н. Лазарева пишет о Гоголе: «Просветительский энтузиазм играет огромную роль в гоголевской концепции нравственного преобразования. Моральная проповедь, вытекающая из художественной исповеди, перерастает в своеобразное просветительство. Гоголь понимает просвещение, прежде всего как путь нравственного воспитания и совершенствования человека и общества. «Сила влияния нравственного выше всяких сил».⁴ Религию, с которой просветители (не только атеистического направления) вели борьбу, он интерпретирует так, чтобы она могла служить выполнению той же задачи. Поэтому и евангельские заповеди выступают у него в тесной связи с делом воспитания и совершенствования души человека. Вне этого конкретного применения они, как и абстрактные лозунги Просвещения, представляются Гоголю малоценными».⁵ (Такой же подход свойственен и Гончарову, который, начиная с 1840-х годов, напряженно размышлял над тем, как соединить «вечность» и «историю», личное традиционное верование с понятиями и ценностями современной культуры и цивилизации.

Проблема соотношения «природы» и «цивилизаций» в современном русском обществе и Гоголем, и Гончаровым ставится в связи с вопросом о гармонической человеческой личности, о его «живой» или «омертвелой» душе. Для обоих писателей в центре указанной этической проблематики оказываются понятия «покоя» (у Гоголя – «привычки») и «страсти». Эти понятия стоят в ряду важнейших для просветителей XVIII в., в том числе и для Руссо. Согласно их воззрению, покой связан с тем, что дано человеку, природой, естеством, непосредственным чувством. Покой зиждется на том, что человек живет лишь «естественными», «природными» желаниями.⁶ Страсти же связаны с жизнью человека в обществе, с рациональной стороной его натуры. Просветители, включая и Руссо, ставили вопрос именно о гармоническом синтезе покоя и страсти в человеческой натуре, о слиянии в ней «природного» и «общественного» элементов. Гоголь в «Старосветских помещиках» задает вопрос: «Что же сильнее над нами – страсть или привычка?» И хотя далее он пишет о том, что «в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки», не следует думать, что Гоголь окончательно решает вопрос в пользу «привычки – покоя». В художественном мире Гоголя есть и иные

«страсти», о которых он помнит даже в «Старосветских помещиках». Это «страсти», не разъединяющие людей, но, напротив, соединяющие их в единое «братство», «товарищество» («Тарас Бульба»). Может быть, это и есть искомый Гоголем синтез природного и общественного в человеке. Противопоставляя «покой» и «страсти», Гоголь все же считает, что без страсти нет и жизни, нет человека. Иное дело, что некоторые из страстей могут быть, по его выражению, «порождениями злого духа». Гончаров акцентирует эту мысль в духе просветительской философии. Природа «страстей» противоречива, но без них душа человека может стать «мертвой душой».

Полное единодушие с Гоголем Гончаров проявляет в оценке соотносительности «ума» и «нравственности», их взаимозависимости и дружной работы в личности человека. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь пишет: «Ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы...»⁷ Примерно в то же время, когда Гоголь пишет свою книгу, Гончаров печатает свой первый роман «Обыкновенная история». Романист показывает, что культура Петра Адуева основана на «знании», «уме», но не проникнута «чувством», не облагорожена «сердцем», или, говоря гоголевскими словами, «нравственностью». Гончаров так характеризует своего героя: «Он понимал все тревоги сердца, все душевные бури, но понимал – и только. Весь кодекс сердечных дел был у него в голове, но не в сердце» («Обыкновенная история», ч. 2, гл. I). К приведенным выше словам Гоголь добавляет тут же: «Поразительно: в то время, когда уже, было, начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, – дорогой ума». Уже позже, в период борьбы с этикой позитивизма, Гончаров, явно перекликаясь с Гоголем, напишет: «...Напрасно Бокль и подобные ему мыслители хотят измерить человеческий прогресс только мериллом знания – и в нем одном слить совершенствование человечества! Нравственное несовершенство, конечно, частью зависит от неведения, но большею частью и от дурной и злой воли. А победа последней достижима не одним только ведением, но и силою воли! А потому заповеди и евангелие будут на этом пути единственными руководителями!»⁸ Соотносительность «ума» и «нравственности» Гончаров делает специальным предметом своего художественного исследования. Он постоянно возвращается к мысли о необходимости преодоления «обрыва» между ними, возвращаясь к формулировке А.С. Грибоедова «ум с сердцем не в ладу». Тексты гончаровских романов, его «Фрегат “Паллада”», его письма в итоге составляют целый этико-философский трактат на эту тему. Здесь Гоголь оказывается его прямым предшественником.

Тем не менее, Гончаров неоднократно акцентирует некоторую дисгармоничность Гоголя. Во-первых, его смущает то, что Гоголь задал тот «отрицательный» вектор развития русской литературы после 1840-х гг., ко-

торый многих писателей, не имеющих творческой силы Гоголя, увел от серьезных художественных задач. В письме к С.А. Никитенко от 21 августа 1866 г. он замечает: «Скажу Вам, наконец, вот что, чего никому не говорил: с той минуты, когда я начал писать для печати..., у меня был один артистический идеал: это – изображение честной, доброй, симпатичной природы, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой природы. Та же идея была у меня, когда я задумывал и Райского, и если б я мог исполнить ее, тогда бы увидели в Райском и мои серьезные стороны. Но тема эта слишком обширна, я бы не совладал с нею, и притом отрицательное направление до того охватило все общество и литературу (начиная с Белинского и Гоголя), что и я поддался этому направлению и вместо серьезной человеческой фигуры стал чертить частные типы, уловляя только уродливые и смешные стороны»⁹. Трудно переоценить это признание художника, мечтавшего, как и Ф.М. Достоевский, создать образ «положительно прекрасного человека». Умение уловлять «только уродливые и смешные стороны» Гончаров позаимствовал у Гоголя, хотя и сумел перевести гоголевский юмор в более мягкую и лиричную иронию. Тем не менее, здесь слышен едва ли не скрытый упрек Гоголю.

Кроме того, Гончарову, несомненно, чужд морализм Гоголя, в чем он был, впрочем, не одинок. Писатель, конечно, был знаком с известным письмом В.Г. Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест...». Гончаров, вероятно, далеко не во всем был согласен с критиком, но в оценке «Выбранных мест...», как книги морально претенциозной и во многом ошибочной, он должен был проявлять с Белинским единодушие. Напомним, что даже близкие к Гоголю люди порицали это сочинение как духовное заблуждение Гоголя. Так, С.Т. Аксаков писал ему после выхода книги, 9 декабря 1846 г.: «Уже давно начало не нравиться мне ваше религиозное направление... Пятый год душа моя наполняется этими чувствами и убеждениями, и, наконец, переполнилась мера»¹⁰. Будучи сам глубоко религиозным человеком, Гончаров, как и Гоголь, мечтает о своем «третьем томе» романа (эту роль должен был выполнить «Обрыв», однако положительно прекрасного человека Гончаров так и не написал). При этом, чтобы сохранить духовную трезвость, он проверяет свои этико-философские и религиозные поиски критерием художественности. По его мнению, Гоголь не сумел удержаться в рамках художественной правды после первого тома «Мертвых душ» и ушел в морализм. Вглядываясь в кончину Гоголя, он видит в ней не только христианский план, но и (в еще большей степени) трагедию художника. Последнее характерно отразилось в письме к С.А. Никитенко от 14 июня 1860 г.: «... я вспоминал Гоголя: как он, с христианской точки зрения, отка-

зался от дальнейшей славы, познал в своей поэтической деятельности мирскую суету и умер. Иногда я верю ему, а иногда думаю, что он не умел смириться в своих замыслах, захотел, как Александр Македонский, покорить луну, то есть не удовольствовался одною, выпавшею ему на долю ролью – разрушителя старого, гнилого здания, захотел быть творцом, создателем нового, но не сладил, не одолел, увидал, что создать не может, не знает, что надо создать, что это дело других, – и умер! Следовательно... это дело спорное»¹¹. В сущности, Гончаров повторяет здесь то, что уже однажды сказал Белинский в упомянутом письме: «Смирение, проповедуемое Вами... отзывается...страшною гордостью...»¹².

Примечания

¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8-ми томах. М., 1952–1955. Т. 8. С. 501.

² Кулешов В. Роман – «знамение времени» («Обломов» И.А. Гончарова) // Вершины. М., 1981. С. 98.

³ Гончаров И. А. Письмо к Л. А. Полонскому от 20 мая 1880 г. // Страна. СПб., 1880. № 41. С. 2.

⁴ См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17-ти томах. М.- Киев, 2009–2010. Т. 8. С. 460.

⁵ Лазарева А.Н. Духовный опыт Гоголя. М., 1993. С. 71.

⁶ См.: Верцман И. Жан Жак Руссо. М., 1958. С. 62.

⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17-ти томах. Т. 8. С. 414.

⁸ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8-ми томах. Т. 8. С. 156.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17-ти томах. Т. 13. Письма. 1845–1846. С. 456, 460.

¹¹ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8-ми томах. Т. 8. С. 337.

¹² Литературное наследство. Т. 56. В.Г. Белинский. Ч. II. М., 1950. С. 507–508.